

Переводчик: Антония

Пахнув крысой, дворецкий поспешил вперед: "Хозяин, повелитель вернулся, и блюда готовы". Подадим сейчас?"

"Прекрасно."

Мистер Тонг разозлился и, раскачивая рукава, вернулся на свое место.

Он никогда ни с кем не разговаривал и ни перед кем не извинялся в такой угодливой манере. Даже император Тяньци разговаривал с ним с излишней вежливостью.

После того, как блюда были поданы, старый господин Тонг не сдался и поднял куриную ножку до самого конца, чтобы положить ее в чашу Тонг Цзицин. Затем он прочищал горло и старался быть вежливым: "Цзин, смотри, папа приготовил все блюда, которые тебе нравились в детстве". Это было лучшее, что он мог сделать.

Тонг Цзин посмотрел вверх, глаза были полны презрения. Не прикасаясь к чаше, он посмотрел на куриную ножку и приказал: "Тонг Чжань, заberi ее". Эта куриная ножка для тебя".

Тонг Чжан, стоя сзади, под пристальным взглядом Тонг Цзицин подхватил чашу, пожимая руки, не решаясь есть или нет.

Весь зал был более чем тихим. Звук падающей на землю иглы был слышен. Атмосфера мгновенно опустилась до самого низкого уровня.

Призрак холодной улыбки невольно коснулся углов губ Тонг Цзицина.

Глаза старого мистера Тонга, казалось, плевали огнем ярости.

Он бросил ему вызов? Почему он мог поговорить со слугой, но отказался поговорить с отцом или принять еду? Это было прекрасно. Но как он посмел отдать еду слуге прямо перед ним? Это раздирало ему лицо. Как хозяин семьи, как он мог проглотить унижение?

Рука, усеянная голубыми сосудами, стучала по столу: "Ты... ты такой несвободный сын!"

Как Чжи Сюяо научил его?

Сгорев в огне, господин Тонг поднялся и собирался попросить дворецкого послать за Цзи Сюяо, когда его рукав внезапно сбил чашу, которая вращалась по кругу на столе, а затем упала на землю, создав хрустящий звук разбивающегося фарфора!

Дворецкий действовал быстро, и как только раздался звук, он улыбнулся и сказал, что удача говорит, чтобы отбить предзнаменование: "Невезение ломается; невезение ломается..." Сразу же, как только слуги бросились убирать кусочки чаши.

В зале каждый слуга чувствовал, как их сердца поднимаются к горлу. Они не были незнакомы с жестокостью и тиранией хозяина.

Услышав хрустящий звук, Тонг Цзицзин слегка приподнял брови, и тонкое презрение превратилось в большой смех.

Смех содержал безумие.

Затем Тонг Цзин подхватил рядом с собой чашу и сильно хлопнул ею о землю.

"Хлюпай!" Еще один хрустящий звук.

"Хорошо". Тонг Цзицзин бросил чашу и пробормотал низким голосом, как будто пристрастился к ней.

Потом он поднял еще одну чашу и снова захлопнул.

"Хлюпай, хлюпай, хлюпай." Он разбил несколько мисок подряд.

Каждый раз, когда чаша падала на землю и издавала звук, он смеялся, с нарастающим безумием.

Сразу же пол стал грязным, и все слуги спешили встать на колени повсюду.

Тогда все чаши и тарелки на столе разбились, суп и рис, мясо и овощи были разбросаны по столу, стульям и полу.

"Тонг Пинг, Тонг Ан, принеси мне еще мисок". Я хочу услышать звук".

Двое обменялись взглядами, поспешили покинуть комнату, чтобы найти ещё миски.

Сестра сказала, что ему больше не нужно терпеть. Если бы старик снова делал то, что ему не нравится, он мог бы по-своему отказаться. Ему не нужно было прятаться и злиться на себя.

Сестра также сказала, что если старик осмелится снова заставить его замолчать, он может разбить двери и никогда не вернуться туда.

Сестра также сказала, что его жизнь находится в его собственных руках, а не в руках других людей.

Из Тонг Цзицзина бросил первую чашу, мистер Тонг был уже ошеломлен.

Он даже не посмел пошевелиться. Когда каждая чаша разбивалась о землю, его сердце тоже прыгало с ней.

Ему было наплевать на чашу. Пока Тонг Цзицзин любил, он мог потратить на него гору серебра и золота.

Тем не менее, поведение порванной ткани или бросание мисок уже было для него травмой, глубокой ненавистью, погребенной в глубине души.

Звуки звенят снова и снова, делая его более чем печальным и виновным и напоминая ему о прошлом...

Много лет назад, когда Тонг Цзицзину было пять лет, хотя он и не много говорил, каждый раз, когда он его видел, он бросался в объятия, ощущение, что старик так много пропустил.

Чаще всего мальчик иногда называл его папочкой в голосе ниже, чем у комара.

Тем не менее, в то время, он не любил своего сына, потому что его низкий испуганный голос и его пребывание онемели весь день ...

В этот момент он пожалел об этом.

Снаружи раздался звук петарды, а в особняке Тонг - звук разбитого на кусочки фарфора.

Конечно, новогодним ужином семья не наслаждалась. Тонг Цзицзин беззаботно уничтожил всю посуду на столе, как никто не видел. Затем он позволил Тонг Чжану принести всю чашу в особняк в свою комнату, утверждая, что он хотел услышать только этот приятный звук.

Тонг Цзин ушел, и старый господин Тонг внезапно впал в депрессию: "Дворецкий, Цзин... Цзин опять заболел? Может, отправить за госпожой Нин прямо сейчас?"

Дворецкий Тонг был немного опечален и посоветовал: "Хозяин, это... это было бы неправильно". Господь только что вернулся и сегодня 30-е."

Древние люди хорошо ценили социальные формальности. Даже больной человек не стал бы принимать наркотики в день 30-го, только для того, чтобы положить начало хорошему началу

нового года.

К тому же и в этот день врач не посещал пациентов, не говоря уже о том, что врач, которого они хотели, была женой.

Конечно, мистер Тонг знал эти ритуалы, его голос дрожал: "Тогда... Что делать с Цзин?...". Просто дать ему продолжить?"

Когда не было надежды, не было разочарования. Мистер Тонг не был бы так разочарован, если бы Тонг Цзин остался таким же умственно отсталым ребенком, каким был раньше.

Однако всего минуту назад Тонг Цзицин сидел там нормально и вырезал с улыбкой вещь, которую нельзя было сдержать.

Его манера поведения и все его жесты говорили о здоровом человеке.

Но почему же он снова начал бросать миски?

Хотя его выражение не было таким онемевшим и пустым, как раньше, кто мог сказать, вернётся ли он в отсталый ум, если такое поведение продолжится до завтра.

Двор Тонг Цзицина был наполнен хрустящим звуком, но его комната была закрыта, не пропуская ни следа света.

Вернувшись в свою комнату, Тонг Цзицин прислонился к дивану и отполировал маленькую скульптуру.

Тонг Чжань теперь бросал миски, а Тонг Пинг и Тонг Ан снова разбивали куски, чтобы сделать звук громче.

"Господи, у нас кончились миски". Чтобы сделать звук громче, чтобы удовлетворить господина, Тонг Чжань теперь потел, как свинья от каторжных работ.

"Получите больше". Тонг Цзицин не смотрел вверх, а пристально смотрел на деревянный кусок, чтобы аккуратно сконцентрироваться на резьбе. На данный момент это была уже полуфабрикатная работа.

Смутно, но, конечно, это была женщина.

Тонг Чжань стер пот на лбу и ответил: "Господи, все чаши здесь". Теперь, мы сбежали".

Разбив все миски, Тонг Чжань задался вопросом, что кухня будет использовать для еды. Однако, это не было его заботой. Это не должен был быть дворецкий Тонг, его дедушка.

"Хорошо. Если нет мисок, можешь отдохнуть. Я тоже устал слышать звук". Говоря, он схватил Тонг Чжана за ухо: "Не говори ни слова о том, что только что случилось. Ты знаешь последствия, если кто-нибудь узнает, что ты разбил миски".

Тонг Цицзин выпустил Тонг Чжана, который сразу встал на колени на земле, несмотря на риск быть раненым острыми фарфоровыми деталями.

"Господи. Так как я твой слуга, я буду твоим человеком на всю жизнь. Я навсегда останусь верен только тебе. Я никогда не нарушу свою клятву." Выражение Тонг Чжана было определено.

Когда взгляд господина переместился на них, Тонг Пинг и Тонг Ан также встали на колени после того, как обменялись взглядами: "Наши жизни - твои". Если вы прикажете нам идти на восток, мы не осмелимся идти на запад. Мы не осмеливаемся отвернуться от тебя..."

Кто бы мог подумать, что человек, который месяц назад титровал и бросал миски, теперь должен стать таким расчетливым?

Очевидно, что хрустящий звук не был направлен на то, чтобы пытать себя, и не для себя тоже. А для этого человека. Если бы этот старик осмелился снова попытаться манипулировать им с плохим лицом, он бы разорвал тряпку прямо в уши, чтобы позволить ему наслаждаться звуком рвущейся ткани.

В учебной комнате особняка Тонг.

"Наконец-то это прекратится". Как только звук исчезал, мистер Тонг встал, руки на груди, которые болят до ритма от хрустящего звука: "Дворецкий, наконец-то прекращается". Цзин наконец-то замолкает".

"Да, хозяин." Дворецкий встал рядом с ним и поддержал его. Он утешил хозяина утвердительными словами, но он был ясен, как зеркало.

Он боялся, что это не потому, что господин хотел остановиться, а потому, что в особняке кончились чаши.

"Уже за полночь, хозяин". Вам лучше отдохнуть пораньше". Дворецкий Тонг носил жалкое лицо. После того, как хозяин успокоился, у него появилось еще одно занятие.

Завтра будет первый день нового года. Где он мог взять столько мисок?

Он только надеялся, что хозяин немного сдержал свой нрав на эти дни, чтобы молодой господин мог спокойно встретить Новый год, как нормальный человек...

*

В "Нин" в деревне Ван.

Цзянь Цинчжэнь держал тарелку с закусками и вышел наружу.

Она медленно подошла к Су Ци: "Приятно познакомиться, господин Су Ци". Пожалуйста, прохладись".

Пальцы Су Ци, держащие шахматы, остановились на секунду. Естественно, он знал, что кто-то приближается, но не ожидал, что эта женщина придет к нему.

Какая муха! Су Ци проклят в тайне. Он медленно посмотрел вверх, только для того, чтобы обнаружить слабую ухмылку на лице Нин Шаоцина.

Су Ци возобновил свою обычную игривую улыбку, взял закуску из тарелки и положил ее ему в рот.

Этот димсам был персиковым пирогом Мо Цяньсюэ, настолько мягким, что при прикосновении к языку расплавилось. Брови Су Ци прыгнули, восхваляя "Восхитительно".

Цзянь Цинчжэнь проявил застенчивость: "Если хочешь, съешь еще". Я принесу ещё". Цзянь Цинчжэнь почувствовал сладость, что Су Ци, наконец, заметил её, съел закуску, которую она ему дала, и похвалил её.

Су Ци не посмотрела на нее, а только уставилась на шахматную доску: "Нин Шаоцин, твоя служанка красивая, но слишком непокорная".

Улыбка на лице Цзянь Цинчжэня мгновенно застыла. Держа тарелку, она не знала, класть ее или убирать.

Клэри, легальная дама из благородной семьи, должна была быть принята за служанку? Она смотрела на себя свысока. Это должно быть простое красное платье! Эти няни никогда не помогали. Почему они сшили это платье, как у служанки?

Цзянь Цинхуа тайно смеялся над ней. Какая поверхностная девушка, которая не знала ничего, кроме роскоши! Как она посмела подумать о том, чтобы выйти замуж за законного сына семьи Су!

С презрением в уме, она улыбнулась. Это было подходящее время для нее, чтобы дать мужчинам познать ее добродетели.

"Пожалуйста, простите нас, лорды". Мы из семьи Тяньсян Цзянь. Я на пятом месте, а это моя младшая сестра на седьмом. Она слишком молода.

Она с добрым намерением присылает вам закуски. Прошу прощения за её грубое поведение. Но это потому, что слуги семьи Нин слишком непокорные. Погода такая горькая, что они не стоят рядом с тобой и исчезают, пока ты играешь в шахматы..."

До того, как Цзянь Цинчжэнь закончил, лицо Нин Шаоцина потемнело, "Юняо..."

Услышав его голос, Юняо сразу вышел из комнаты. Увидев, что все две дамы стояли во дворе, она так презирала. Раньше она была служанкой большой семьи, как она могла не понять, что здесь происходит? Но когда она повернулась к Нин Шаоцину, ее лицо вернулось скромным.

"Юняо, эти две дамы имеют высокий статус. Почему ты не обслужил их в гостиной? Они заблудились и добрались до двора. Между мужчинами и женщинами должен быть огромный разрыв в вежливости. А что если в будущем плохие слова перекинутся на других? Как они выживут в этом мире? Поторопитесь и отведите их к даме".

"Да". Юняо взял заказ и сделал жест, чтобы показать им путь, тон оставаясь равнодушным, "Сюда, пожалуйста".

Слова Нин Шаоцин на самом деле были безразличны.

Между гостиной и двором было небольшое расстояние, но Нин Шаоцин сказал, что они заблудились. На первый взгляд, он нашел им оправдание, но на самом деле любезность по половому признаку означала презрение к ним.

Видя, что Нин Шаоцин не смотрел на нее, а его слова содержали презрение, Цзянь Цинчжэнь не был совсем разочарован, но был очень рад.

Этот человек был прямолинейным, уважаемым вежливым и нелегко соблазняемым женщинами, именно того, кого она искала.

Судя по его манерам, он должен был иметь благородное происхождение и лишь временно столкнуться с несчастьем. Если бы она была готова протянуть ему руку помощи в этот момент, то он, несомненно, был бы ей благодарен.

До тех пор, пока он женился на ней и по рекомендации семьи Цзянь, такой талант, как он, должен однажды преуспеть. Очень вероятно, что он пойдет по гладкому пути официальной карьеры, чтобы стать одним из тех молодых ученых.

Быть женой начинающего ученого гораздо лучше, чем женой бесполезного сына наложницы или наложницы ее шурина.

Миссис Нинг могла быть полностью проигнорирована, так как она была просто счастливой женой. Однажды, если она станет женой Нин Шаоцина, Мо Цяньсюэ сможет почувствовать свою силу, если не будет послушной.

Юня собирался вести двух дам в помещение, когда седьмая леди Цзянь объявила, что ей нужно вернуться в карету, чтобы подышать воздухом. На самом деле, она хотела переодеться.

Юня позвал Сидзи, чтобы отвезти пятую госпожу Цзянь на задний двор и найти няню.

У пятой госпожи Цзянь были свои дела. Естественно, она не пошла бы с Цзянь Цинчжэнь. Она планировала изучить прошлое миссис Нинг. Теперь ей нужна была эта неизвестная жена, пока Нин Шаоцин не принял ее.

Решив, она сказала, что является поклонницей вышивки и хочет увидеть образец вышивки, о котором упоминал Мо Цяньсюэ, поэтому она позволила Юня привести ее во внутреннюю комнату.

Юня пошла доложить обо всем, основываясь на фактах. Мо Цяньсюэ была немного раздражена, а выражение Цзянь Цинчжэнь стало холодным и сразу же попрощалась с Мо Цяньсюэ. Затем она вытащила Цзянь Цинхуа из комнаты, не оставив ей шанса спросить что-нибудь.

Мо Цяньсюэ встал и провёл их до ворот. Перед тем, как Цзянь Цинчжэнь сел в карету, она договорилась с ней о том, что Мо Цяньсюэ посетит особняк Цзяня на пятый день нового года, когда она придумает что-нибудь подходящее для нее.

Цзянь Цинчжэнь кивнула, впала в депрессию и с помощью няни Юаня села в карету.

Цзянь Цинхуа и Цзянь Цинчжэнь хотели всего, кроме как уехать, но у них не было причин не делать этого.

Особенно Цзянь Цинчжэнь, она так не хотела уезжать, потому что ещё не переделалась. Почему уехала так рано?! Когда ее карета только что покинула дом Нин, она начала наказывать свою служанку Сян Цзы, которая приготовила для нее это платье.

Отправив шумную группу, Мо Цяньсюэ вернулась, только для того, чтобы увидеть, как двое мужчин все еще борются в шахматы.

Она пожаловалась себе на Су Ци. Почему он предложил играть в шахматы во дворе в такой холодный день? Поэтому, когда она подошла, ее тон был ироничным: "В холодный зимний день,

какое у тебя хорошее настроение!".

Су Ци посмотрела вверх с улыбкой: "Госпожа Нин тоже знает шахматы?"

Мо Цяньсю намазалась и ответила: "Нет, не знаю. Но я знаю очень важную вещь". Если бы она знала, как играть в шахматы, она бы помогла Нин Шаоцин победить Су Ци.

Услышав ее слова, Нин Шаоцин была заинтригована и с улыбкой спросила: "Что в этом такого важного?".

"Я знаю, что если вы двое продолжите так играть в шахматы, пострадает здоровье моего мужа". У него уже холодное тело, и он играет в шахматы с лордом Су Ци, не смотря ни на что..."

Это было несерьёзное событие, но то, как Мо Цяньсюэ сделал это звучание таким важным. Нин Шаоцин тайно улыбнулся. Мо Цяньсюэ заботилась о нем в ее тоне, но он должен быть вежлив с гостем: "Вы ошибаетесь, госпожа Нин. Мы должны относиться к гостю с гостеприимством".

Любовь и химия между парой были так очевидны, что Су Ци положил шахматную фигуру в руку и сказал: "Я проиграл".

Он имел в виду не только шахматную партию, но и более серьезное решение.

Нин Шаоцин какое-то время молчал и улыбался: "Ты выиграл". Вы выиграли более широкий и спокойный ум.

Больше не будет ревности.

Нин Шаоцин ревновал к Тонг Цзицзину, потому что Мо Цяньсюэ заботился об этом человеке. Хотя он не мог сказать, что это за любовь, он был уверен, что в сердце Мо Цяньсюэ есть место для Тонг Цзицин.

Нин Шаоцин ревновал к Цзянь Цинью, потому что в то время он не целовал Мо Цяньсюэ, а своими глазами видел, как Мо Цяньсюэ целует её. Он просто не мог этого оставить.

Однако Нин Шаоцин не ревновал к Су Ци, человеку с явными намерениями, потому что знал, что в сердце Мо Цяньсюэ этот человек значил ноль, ничего кроме делового партнёра.

В то же время Су Ци был человеком происхождения, поведение которого соответствовало социальным формальностям. Он любил Мо Цяньсюэ, но сдержанно относился к своей любви в рамках должной вежливости, так что даже сама Мо Цяньсюэ этого не замечала.

Более того, Су Ци был также младшим братом дорогого друга Нин Шаоцина, Су Цзиньчжуэ, старшего молодого лорда семьи Су.

Видя, как один сказал проигрыш, а другой победу, Мо Цяньсюэ вспомнил о том, что они делали во время еды, и стал немного нетерпелив: "Понятия не имею, о чём ты говоришь".

Затем она помогла Нин Шаоцину встать, с любовью ругая его: "Давай зайдем внутрь и выпьем чаю, чтобы согреться".

Су Ци поднял руку и возобновил игривое выражение: "Нет, спасибо". Еще не рано, и у меня есть дела, так что давайте попросимся".

Судя по тому, как она смотрела на Нин Шаоцин, Су Ци поняла ее чувства.

Теперь, когда он знал ее чувства, почему он должен оставаться одержим своими собственными чувствами и пусть это продолжается?

Су Ци всегда была беззаботным человеком, который предпочитал, чтобы все шло своим чередом.

После возвращения в Байюньчжу он давал своему старшему брату официальный ответ, что после весеннего праздника и все уладится, он будет слушать их и жениться на том, кого они устроили.

Поскольку этот человек не был Мо Цяньсюэ, неважно, кто это будет.

Было бы лучше, если бы его чувства были погребены глубоко в его сердце.

<http://tl.rulate.ru/book/14777/895065>